

© 2008 г. А. Д. Кошелев

ОБ ОСНОВНЫХ ПАРАДИГМАХ ИЗУЧЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

В статье дан сопоставительный анализ трех альтернативных подходов (парадигм) к описанию языка и некоторых представляющих эти подходы концепций: Ф. де Соссюра, И. М. Мельчука, А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа и др. Рассмотрены два недавних (последняя четверть XX в.) открытия когнитивной психологии, позволяющие оценить перспективность обсуждаемых парадигм. Предложена трактовка языкового значения как концептуальной системы особого типа — продукта поэтапного развития концептуального мира ребенка.

I. ВВЕДЕНИЕ

Понимание роли языка и механизмов его функционирования предопределяется ответом на следующий вопрос: что для человека (ребенка) хронологически первично — его концептуальный мир или родной язык? Концептуальным миром мы называем целостное представление предметного мира — систему концептов (категорий ментальных объектов и связывающих их ментальных отношений), а языком — систему языковых знаков и правил их соединения.

Принципиальных ответа здесь три. Соответственно, получаем три парадигмы.

Первая парадигма исходит из постулата о первичности родного языка, который усваивается ребенком до концептуального мира. Используя язык, ребенок формирует далее свой концептуальный мир, категоризируя воспринимаемую действительность, расчленяя ее на концепты и устанавливая между ними отношения в соответствии с языковыми значениями и их отношениями. Язык оказывается замкнутой и самодостаточной системой, а концептуальный мир, — ее продуктом, отражающим эту системность. Поскольку при этом концептуальный мир не внеположен языку, у языковых знаков не может быть референтов.

Центральным представителем первой парадигмы является теория Ф. де Соссюра, поэтому мы будем называть ее **соссюровской парадигмой**.

Третья парадигма исходит из противоположного постулата: концептуальный мир первичен и изначально (до языка) формируется в мозгу человека (ребенка). Усваиваемые позднее языковые значения суть поименованные элементы концептуального мира и их отношений. Поэтому системность знаков языка индуцируется системностью концептов мира. В этом случае язык также оказывается замкнутым, но не на себя, а на уже существующий и внеположный ему мир.

Эта парадигма отражает когнитивный подход к языку. Ее представляют концепции А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа. Поскольку она противоположна первой, соссюровской парадигме, мы будем называть ее **антисоссюровской**, а также **когнитивной**.

Наконец, **вторая**, промежуточная парадигма исходит из постулата о том, что и концептуальный мир, и язык человека формируются как самостоятельные системы. Поэтому языковые знаки образуют свою системность (они замкнуты и самодостаточны), а элементы концептуального мира с их отношениями — свою. При этом языковые значения описывают концепты мира не непосредственно (в этом случае язык утратил бы самостоятельность, независимость от мира), а посредством специального универсального

¹ Переработанная и дополненная версия статьи публикуется в книге «Динамические модели: Слово. Предложение. Текст». Сб. в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 402—442.

языка мыслей. Эту парадигму естественно назвать **постсосюрской**². К ней, в частности, относятся концепции Н. Хомского и И. А. Мельчука.

В основании предложенного исчисления парадигм лежит внелингвистический признак — соотношение языка и мира человека. Однако, как мы покажем далее, полученные таким теоретическим (аксиоматическим) путем три парадигмы задают практически полезную классификацию, охватывающую широкий класс лингвистических теорий.

II. О ПОНЯТИЯХ КОНЦЕПТ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ МИР, ЖИЗНЕННЫЙ МИР И ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК

1. К определению концепта. Обсуждение введенных парадигм невозможно без уяснения структуры и функции концепта³. Условимся считать, что концепты задают базовые категории и их функция — обеспечивать человеку восприятие предметного мира (формирование предметных образов из мешанины пятен, линий, точек, светотени и пр., возникающей в его перцептивном поле).

При определении концепта мы будем исходить из теории Дж. Лакоффа.

Со времени Аристотеля до поздних работ Витгенштейна категории рассматривались как ясные ... сущности ... Принималось, что вещи относятся к одной и той же категории, если и только если они имеют некоторые общие признаки ... И признаки, которые были у них общими, рассматривались как определяющие эту категорию <...> В поразительно короткое время все изменилось <...> появился новый подход к категориям, который Элеонора Рош назвала *теорией прототипов и категорий базового уровня* [Лакофф 2004: 21, 10; курсив автора].

Для пояснения сути нового подхода, рассмотрим, как в нем определяются «концепты базового уровня», задающие категоризацию мира по родам: «яблоко», «роза», «собака», «стул» и др. (здесь и далее концепты обозначаются двойными кавычками). Занимая промежуточное положение между более общими концептами «фрукты», «цветы», «животные» и более частными — видами (сортами): «антоновка», «чайная роза», «лайка», они, по мысли Дж. Лакоффа, являются, тем не менее, первичными, исходно понятными категориями, поскольку

опираются на опытные аспекты человеческой психологии: гештальтное восприятие, ментальную образность, двигательную активность ... уровень рода (который Берлин называл «народно-родовым уровнем») является, по всей видимости, психологически базовым <...> Вещи на этом уровне воспринимаются целостно, как единый гештальт, тогда как для идентификации на более низком уровне должны быть выбраны специфические признаки ... отличающие, например, один вид дуба от другого <...> вышестоящие категории не характеризуются образами или моторными действиями. Например, мы имеем ментальные образы стульев — абстрактные образы, не соответствующие какому-нибудь отдельному стулу, — и мы имеем обобщенный набор движений для взаимодействия со стульями. Но когда мы переходим от категории базового уровня «стул» к вышестоящей категории «мебель», ситуация меняется. У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые не были бы об-

---

² В статье [Касевич 1989: 8] обсуждается «когнитивный подход», при котором «языковые структуры носят, по существу, чисто формальный характер ... и только потенциально допускают семантизацию ... то есть установление корреляций с когнитивными структурами, которые столь же самостоятельны, сколь и языковые ... их отношения паритетны». Этот подход рассматривается автором как «противоположный» сосюрскому. Во избежание терминологической путаницы отметим, что мы называем этот подход постсосюрским (язык и концептуальный мир самостоятельны) и считаем промежуточным. А противоположным сосюрскому мы считаем подход, в котором не язык доминирует над миром (Сосюр), а мир — над языком; его мы и называем антисосюрским.

³ В [Демьянков 2007: 27] тонко подмечено различие терминов концепт и значение (понятие), отвечающее традиции их использования: «О *понятиях* люди договариваются, **конструируя** их для того, чтобы „иметь общий язык“ при обсуждении проблем. *Концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не)уверенности» (выделение автора), см. также анализ термина концепт в других статьях данного сборника, в частности, в [Кубрякова 2007].

разами объектов базового уровня, таких как стул, стол, кровать и т. д. ... У нас, далее, нет моторных действий для взаимодействия с мебелью вообще, которые не были бы моторными действиями для взаимодействия с определенными объектами базового уровня — стульями, столами, кроватями и т. д. <...> общий внешний вид является главным определителем базового уровня [Там же: 55, 56, 58, 78, 79]».

Мы постараемся показать, что концепты задаются более широким набором характеристик. Обрисуем их кратко. Прежде всего заметим, что в основе базового (родового) концепта лежит не просто «общий внешний вид», а структурированный внешний образ, т. е. целостный образ вместе с его партитивной структурой — составом и взаимным расположением его самых крупных (непосредственно составляющих) частей. Так, для концепта «собака» — это соположение лап, тела, головы и хвоста. Кроме того, данная структура лежит также в основе обобщенного концепта «четвероногое животное», поскольку реализуется и в других его родовых концептах: «кошка», «медведь» и пр. Она же присуща и видовым концептам — породам собак: «лайка», «фокстерьер», «борзая» и др. Тем самым оказывается, что все три типа концептов «четвероногое животное», его роды и виды обладают общим признаком — единой партитивной структурой.

Чем же выделяются родовые («базовые») концепты? По мнению Лакоффа, целостными образами (гештальтами): образы собаки и кошки целостны и различны. У концепта «четвероногое животное» единого образа нет, а видовые концепты различаются лишь «специфическими признаками».

Такое объяснение кажется нам недостаточным. Во-первых, каждый видовой концепт — и «лайка», и «фокстерьер», и «борзая» — несомненно, обладает не только специфическими признаками, но и собственным целостным образом, отличным от других образов. Во-вторых, некоторые общие концепты (например, семейства) имеют тот же образ, что и его родовые концепты. Единый образ, к примеру, присущ и всему семейству «кошачьих», и его родам («кошка», «рысь», «тигр»), и видам каждого рода («сиамская кошка», «персидская кошка» и пр.). В свете сказанного неясно, чем родовой концепт «кошка» отличается, с одной стороны, от общего концепта — семейства «кошачьих», а с другой стороны, от его видовых концептов (пород кошки).

В чем же в таком случае состоит столь явное различие между родами «кошка», «рысь», «тигр» семейства «кошачьих»? Ведь различие образов этих «базовых» концептов невелико и гораздо меньше бросается в глаза, чем различие внутривидовых образов тех же кошек: сиамской и персидской. Может быть, все дело в размерах (тигр гораздо больше рыси, а рысь — больше кошки)? Но у собак наблюдается аналогичное различие — дог гораздо больше таксы, однако это не меняет его родовой принадлежности и дог, и такса принадлежат к одному родовому концепту «собака».

На наш взгляд, главное различие между концептами «кошка», «рысь» и «тигр» обусловлено относительной, чисто человеческой характеристикой — различием того места в окружающем человека мире, которое занимают представители этих концептов. Все они — хищники, но если кошка охотится на мышей и для человека не опасна, то рысь уже представляет серьезную опасность (может напасть на человека) и вызывает страх. Тигр еще более опасен и может вызвать панический ужас. Как мы видим, в данном случае увеличение размера меняет характер отношений человека и животного, роль последнего в человеческом мире. Для собак этого не происходит: их место в человеческом мире почти не зависит от их размера: и дог, и такса функционально однотипны. В частности, они неопасны для человека. Совершенно другое дело — волк. Его образ весьма близок к образу родового концепта «собака», однако он образует не вид (породу собаки), а самостоятельный родовой концепт «волк», поскольку его место в мире человека существенно иное, отличное от места собаки.

Этот же антропоцентрический дифференцирующий принцип сохраняется и для других типов концептов, как более общих, так и более частных. Меняется лишь масштаб функциональной зоны, задаваемый концептом. Породы собак «лайка», «фокстерьер», «борзая» и др. суть более частные вариации общей функции родового концепта «собака», т. е. занимают свои особые места в рамках общей роли собак. То же можно сказать и об австралийской собаке динго — она хоть и дикая, но на человека не нападает и считается «подвидом собаки». Это же верно и для дикой кошки и дикой утки — они считаются ви-

довыми вариантами родовых концептов «кошка» и «утка» (дикая утка по своей роли близка к домашней утке, в частности, человек ее тоже употребляет в пищу).

Классы «четвероногое животное», «пресмыкающиеся», «птицы», «рыбы» отражают более крупный (чем родовые концепты) масштаб антропоцентрической классификации животного мира. Семейства кошачьих, беличьих, бобровых, хомячьих, обезьян и др. дают еще один вариант подобной классификации.

Итак, мы видим, что концепт возникает как единство двух составляющих различной природы: а) целостного предметного образа вместе с его партитивной структурой (качественная характеристика элемента внешнего мира) и б) его антропоцентрической характеристики (относительная характеристика, отражающая общую роль, или функцию этого элемента в мире человека). В итоге получаем такое определение:

- (1) «концепт» = «партитивный предметный образ (гештальт) ← его роль для человека (≈ ‘возможности и опасности при взаимодействии с ним’)

Здесь стрелка ← обозначает отношение интерпретации: элементу одной системы (мира) приписывается элемент совершенно иной системы (человеческих интенций).

Проиллюстрируем дефиницию (1) примерами. Семейство «фрукты» имеет единую партитивную структуру: ножка (или плодоножка), на которой висит плод в процессе созревания, кожа (кожура), мякоть и плодоносные зернышки или косточка [Кошелев 2006: 563 и сл.]. Общая функция фруктов для человека понятна: они служат определенным видом пищи, занимающим свое, особое место (условно говоря, относится к десерту). Родовые концепты «яблоко», «груша», «апельсин» являются, во-первых, различными вариациями общей партитивной структуры, а во-вторых, дифференцируют данную область еды (десерт), занимают в ней свои более частные места. Виды (сорта) яблок («антоновка», «белый налив») задают еще более частные, но значимые для человека различия вкусовых качеств в диапазоне «яблочного» вкуса.

Это рассуждение сохраняет силу и в отношении артефактных концептов: родовые концепты «табурет», «стул» и «кресло» имеют схожие партитивные структуры. Их дифференциация вызвана важными различиями в позе сидящего человека: собранная, не расслабленная — без опоры для спины и локтей (табурет), полурасслабленная — с опорой только для спины, или частично для спины (низкая спинка) и локтей (стул) и вполне расслабленная, позволяющая даже спать сидя или полулежа — с полным набором опор для спины, локтей и головы (кресло). Сказанное верно и для других концептов: «цветы», «озеро», «овраг», «дом», «велосипед», и др., см. [Там же: 529, 545 и сл.].

Приведем два примера, иллюстрирующие общее определение (1):

- (1а) «стул» = «партитивный образ стула ← ‘на нем можно сидеть, опираясь спиной’»,
 (1б) «яблоко» = «партитивный образ яблока ← ‘≈ его едят на десерт, держа в руке’».

Вернемся к понятию «уровень базовых концептов». Хорошо известно, что эти концепты (роды) усваиваются ребенком ранее других и их имена он узнает первыми. Объяснение Лакоффа, связывающего этот факт с наличием у базового концепта целостного образа, непосредственно понятного ребенку, недостаточно, поскольку подобный образ имеется и у других концептов — семейств и видов. Правда, наши рассуждения тоже не объясняют данный факт. Но они показывают, что для ребенка это оптимальный путь структурно-антропоцентрического освоения окружающего мира: сначала разбить его пространство на достаточно крупные зоны (родовые категории), а затем параллельно осуществлять два встречных процесса: интегрировать эти зоны (обобщать родовые концепты в семейства, классы и пр.) и дифференцировать их (строить видовые концепты).

2. Концептуальный мир. Перейдем теперь к характеристике общего назначения концепта. Важно помнить, что компоненты концепта — элементы разных по своей природе систем: структурная составляющая — элемент системы образов мира, а функциональная составляющая — элемент системы обобщенных интенций (желаний, устремлений, трактовок) человека. Благодаря партитивному образу человек осуществляет первичную категоризацию воспринимаемых визуальных впечатлений, т. е. распознает конкретные предметы в своем перцептивном поле, вычленяет «фигуры» (конкретные стулья, яблоки и пр.) из визуального «фона». Благодаря функциональной характеристике партитивного образа человек понимает, какую общую роль способен играть для него данный предмет.

Итак, концепт задает двустороннее описание воспринятого предмета: партитивный образ концепта задает предмет как системный элемент внешнего мира, а характеристика образа трактует предмет как значимую для человека роль, или функцию, т. е. как системный элемент человеческих интенций. Следовательно, каждая составляющая концепта (1) имеет, наряду с содержательной, еще и относительную — системную часть, отражающую место этой составляющей в рамках ее системы (мира или человека). Объединим для простоты обе системные части концепта и назовем эту объединенную часть **«значимостью концепта»**. Она отражает системные связи данного концепта с другими концептами. Тогда получим полное (системное) определение:

(1') «системный концепт» = «концепт» + «значимость концепта».

Совокупность таких концептов образует систему, которую мы и будем называть **концептуальным миром** человека.

Природу и системность концептуального мира хорошо поясняет постулат Канта, получивший в недавнее время полное когнитивное подтверждение (см. ниже и раздел 6.1):

... хотя материя всех явлений дана нам только a posteriori, форма их целиком должна для них находиться готовой в нашей душе a priori ... Посредством внешнего чувства (свойства нашей души) мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас, и притом всегда в пространстве. В нем определены или определимы их внешний вид, величина и отношение друг к другу [Кант 1964: 128–129].

3. Жизненный мир. Теперь можно объяснить назначение концептуального мира. Благодаря ему складывающаяся у ребенка картина окружающего мира представляет собой не «беспорядочную смесь расплывающихся образов и сливающихся в монотонный гул звуков» (как полагал известный американский психолог начала XX века У. Джеймс, см. [Крайг, Бокум 2007: 215]), а осмысленное и вполне конкретное предметное пространство — **жизненный мир**, как мы его далее будем называть. Воспринятая ребенком «беспорядочная смесь расплывающихся образов ...», проходя через концептуальный мир, преобразуется в его конкретизированную версию — предметное пространство, в котором задействованные концепты (их образы, характеристики и отношения) обретают реальные черты и воплощаются в реальные предметы и ситуации окружающего мира.

Назначение концептуального мира и состоит в «сотворении» жизненного мира человека: в преобразовании возникающих в его перцептивном поле стимулов в конкретный и осмысленный предметный мир.

Замечание 1. Недавние когнитивные исследования показали, что к последним месяцам первого года (т. е. к началу усвоения языка) у младенца складывается целостный, но достаточно дифференцированный концептуальный мир, делающий его жизненный мир вполне осмысленным и предсказуемым. Оказалось, что способности младенца распознавать и объяснять окружающий мир быстро развиваются. К 8 месяцам младенец уже способен воспринимать пространственные образы, их субстанциональность (предметность), расстояния до них, независимость их размеров от дистанции восприятия. Он осознает константность предмета — независимость его существования от доступности для наблюдения (мяч, закатившийся под кровать, не исчезает, и его можно оттуда извлечь).

Младенец понимает единство полимодальных свойств предмета (цвета, формы, плотности, тактильных звуков, запаха и т.д.) и не нуждается в опоры для предмета падающего, если он такой опоры лишается (см. [Берк 2006: 253 и сл.; Би 2004: 241–245; Шэффер 2003: 292 и сл.], ср.:

«Младенцам, вероятно, от рождения присуща способность „расчленять“ физический мир на категории (Gelman 1998) задолго до того, как они научаются выражать их в словах <...> В возрасте 6 недель ... младенцы пробуют уклониться, зажмуриться или как-то еще избежать столкновения с объектом, который надвигается прямо на них. В 2 месяца они ... уже не реагируют на объекты, траектория которых проходит рядом. В возрасте 7–8 месяцев у младенцев складывается самое общее представление о живых существах, их отличии от движущихся механизмов, а в 9 месяцев они начинают отличать птиц от самолетов» [Крайг, Бокум 2007: 242, 255; см. также Сергиенко 2006: 228, 287].

Итак, первичный концептуальный мир младенца отделен как от перцептивных впечатлений ребенка, так и от его языка (усваиваемого позднее), см. также раздел 6.1.

4. Языковой знак. Перейдем теперь к языку. Поскольку его главное назначение — эксплицитно описывать жизненный мир человека, естественно полагать, что языковые знаки оперируют общезначимыми (понятными для других носителей языка) единицами — концептами и их конфигурациями, дающими обобщенное описание конкретных предметов и ситуаций жизненного мира. Определим сначала **общую семантическую схему знака**:

- (2) слово — ‘значение’ ÷ «концепт»,
 (2') стул — ‘стул’ ÷ концепт «стул».

В ней значение связано некоторым отношением (значок ÷) с концептом. Для каждой теории языка, задающей свою трактовку знака, отношение между значением и концептом приобретает соответствующее содержание. Конкретизируется и значок ÷, превращая общую схему (2) в ту или иную конкретную **семантическую схему знака**.

III. ПЕРВАЯ (СОСЮРОВСКАЯ) ПАРАДИГМА ЯЗЫКА

1. Основной постулат. Родной язык для человека хронологически первичен и доминирует над концептуальным миром, формируя его элементы и придавая им свою системность.

Этот постулат вполне соответствует позиции Ф. де Соссюра, ср.:

В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную, нерасчлененную массу. ... без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе, мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Представленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка [Соссюр 1977: 144].

Данная позиция для Соссюра принципиальна (см., напр. [Кацнельсон 2001: 387–388]). Она неоднократно обсуждается и в публиковавшихся позднее его «заметках и фрагментах размышлений», ср.:

В лингвистике мы в принципе отрицаем ... будто имеются вещи, которые продолжают существовать, когда мы переходим от идей одного порядка к идеям другого порядка ... как если бы эти вещи были даны сами по себе <...> Связь, которую мы устанавливаем между вещами ... существует *до самих вещей* и служит их определению (цит. по [Бенвенист 1974: 54, 56], курсив автора; см. также [Слюсарева 2004: 67]).

Этой же точки зрения на значение придерживаются Б. Уорф и Э. Бенвенист, ср.: «Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1999: 97]. «Язык воспроизводит мир, но подчиняет его своей собственной организации» [Бенвенист 1974: 27, см. также: 30–31, 105].

Как мы видим, Соссюр трактует систему языковых значений (Означаемых, или понятий) как непосредственный инструмент дифференциации и категоризации воспринимаемой «аморфной» действительности, т. е. как инструмент формирования жизненного (предметного) мира человека. Следовательно, значение фактически является концептом (выполняет его функцию). За исключением имени, ничего содержательно отличного от концепта и его функции в соссюровской трактовке языкового значения нет. Стало быть, языковые знаки суть поименованные концепты, и их системность обусловлена системностью концептов (их значимостью, см. (1')). Ясно, что в таком случае жизненного мира, внеположного языку, нет. Этот мир создается языком (= системой поименованных концептов), который и придает миру свою системность.

Следовательно, в данном случае общая семантическая схема знака (2) приобретает следующий вид:

(2а) слово — 'значение' $\equiv$ «концепт»,

(2а') стул — 'стул' $\equiv$ «стул».

Здесь общее отношение ($\div$) превращается в тождество: значение $\equiv$ концепт.

2. Лингвистические постулаты Соссюра. Из основного постулата следуют два уже собственно лингвистических постулата.

1) язык представляет собой замкнутую и самодостаточную систему языковых знаков; значение знака задано системой отношений со значениями других знаков и вне этой системы не существует;

2) языковой знак — это двусторонняя сущность:

(3) Означающее (акустический образ) — Означаемое (понятие).

Первый постулат определяет знак как относительную единицу, не имеющую вне системы собственной «субстанциональности» [Соссюр 1977: 152–154]. Второй постулат задает схему языкового знака без референта [Там же: 99]. Оба они — прямое следствие основного постулата, согласно которому предметный мир априори, вне знака не существует.

Заметим, что проведенное выше отождествление Означаемого и предметного концепта, полностью отвечает этим постулатам. Во-первых, концептуальный мир является замкнутой и самодостаточной системой, поэтому его концепты относительны: они не требуют для своего определения никаких внесистемных данных. Во-вторых, схема знака (2) – (2') тождественна соссюровской схеме (3).

Обрисует кратко позицию Э. Бенвениста. Будучи последовательным сторонником Соссюра, Бенвенист стремился придать его концепции законченность и непротиворечивость. Так, он специально обращает внимание на произвольное отклонение самого Соссюра от своей же схемы знака, отмечая, что сразу же вслед за своими словами «языковой знак соединяет не предмет с именем, а понятие с акустическим образом» Соссюр «бессознательно и неявно» обращается «к третьему» термину, к «реальному предмету», который «необходимо исключить ... из понимания знака» [Бенвенист 1974: 91].

Последовательность Э. Бенвениста в этом вопросе подтверждается следующей его мыслью: «такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности <...> если „лошадь“ — объект, а „бежать“ — процесс, то это только потому, что первое — имя, а второе — глагол» [Бенвенист 1974: 168], см. также [Иванов 2004: 52–54].

В настоящее время данная парадигма развивается, например, в трудах Б. А. Успенского, ср.: «Хорошо известно вообще, что язык моделирует мир. Но одновременно он моделирует и самого пользователя этим языком, то есть самого говорящего.

В этих условиях именно язык оказывается *первичной феноменологической данностью*» [Успенский 1996: 5–6; курсив автора], см. также [Успенский 2007: 9–10]. Представители соссюрговской парадигмы — Ф. де Соссюр, Б. Уорф, Э. Бенвенист, Б. А. Успенский и др.

IV. ВТОРАЯ (ПОСТСОСЮРОВСКАЯ) ПАРАДИГМА

1. Основной постулат. Родной язык человека и его концептуальный мир образуют две самостоятельные системы.

В рамках этой парадигмы языку отводится гораздо более скромная роль — он уже не участвует в категоризации мира. Напротив того, он мыслится как автономный модуль, функционирующий независимо от мира. При этом он может включать семантику (И. М. Мельчук), а может и не включать (Н. Хомский).

Из основного постулата следует, что языковое значение лишь опосредованно описывает концепт, поскольку при непосредственном описании концептов система значений утрачивают самодостаточность и становится зависимой от свойств концептуального мира. Обозначим опосредованную связь значения с концептом значком $\Leftrightarrow$. Тогда общая схема знака (2) получит вид ($\div$ заменяется на $\Leftrightarrow$):

(2б) слово — ‘значение’ $\Leftrightarrow$ «концепт»,

(2б') стул — ‘стул’ $\Leftrightarrow$ «стул».

2. Лингвистические постулаты. Замечательно, что столь радикальная перемена основного постулата не затрагивает лингвистических постулатов.

1) язык представляет собой замкнутую и самодостаточную систему языковых знаков; значение знака (= его значимость) задано системой отношений со значениями других знаков и вне системы не существует;

2) языковой знак задается двухкомпонентной соссюрговской схемой (3).

Подчеркнем: в схеме (2б) знак определяется точно так же, поскольку он (левая часть схемы) строго отделен от концепта.

Соблюдение этих постулатов и будет критерием принадлежности лингвистической теории к данной парадигме. Чтобы соответствовать этим постулатам, требуется уже явным образом отделить значение знака от концептов мира, ср.:

... для лексики единственная возможность понять и построить систему заключается в отказе от термина и понятия «значение» ... лексику как систему образуют те связи и отношения, которые составляют «сетку значимостей» <...> Отрицать у слов значение никто не собирается, и в очень многих случаях этим должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру <...> при построении лексической системы важно не то, что значит отдельное слово (*есть* = *essen* или *manger*), а то, что возникает при наличии *есть*, *вкушать*, *кушать*, *жрать*, *шамать* ... [Реформатский 1967: 108, 118, 119].

Здесь А. А. Реформатский следует мнению А. А. Потебни, ср.:

Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела ... говоря о значении слова *дерево*, мы должны были бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина*, или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую языкознанию, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова [Потебня 1956: 127; разрядка автора].

В наиболее эксплицитной форме эта точка зрения излагается И. А. Мельчуком в ответе на письмо автора:

А. Д. Кошелев: Толкование полнозначного слова должно адекватно описывать множество его прямых референтов. [Ни в коем случае! — *И. М.*] ⁴. <...>

И. А. Мельчук: Все зависит от того, как и е семантические примитивы Вы ищете. Если примитивы мысли или восприятия, то, разумеется, их надо искать в действительности [точнее, в психическом отражении действительности. — *И. М.*]. Но если это примитивы для описания значений слов (а не для описания вещей!), то они — только в языке. <...> Я убежден (всегда был, а теперь и совсем уверен), что толкование слова не должно описывать множество его референтов! Для меня это центральное убеждение лингвиста [Кошелев — Мельчук 1996: 195–196; разрядка *И. М. Мельчука*].

Правда, *И. А. Мельчук* определяет языковой знак как тройку (Означающее, Означающее, Синтактика), но ясно, что эта схема сводится к схеме (2б), если иметь в виду, что Синтактика — это системный компонент значения знака (левой части схемы). Как и у Соссюра, референт в это определение не включен (см. [Иорданская, Мельчук: 2007: 28], ср. подробнее [Мельчук 1997: 119]).

Лингвистические постулаты данной парадигмы делают совершенно обоснованной программу «описания значений любых языковых единиц ... на специальном семантическом языке», который представляет собой «упрощенный и стандартизированный подязык естественного языка описания. Упрощение состоит в том, что в подязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы слов и синтаксические конструкции в их основных значениях» [Апресян 2005: 13].

3. Теория моделей Смысл ↔ Текст. Эта лингвистическая концепция, будучи одной из самых разработанных (как в области теории, так и в сфере анализа конкретного языкового материала), дает точное определение языка (что редкость — к примеру, в [Chomsky 1980: 217] «язык» не относится к числу точных понятий лингвистики). По мысли *И. А. Мельчука*, владение языком проявляется у его носителя в умении осуществлять две взаимно обратные операции: а) извлекать из услышанной фразы ее смысл и б) строить для произвольного смысла выражающую его фразу (одну или несколько синонимичных). Следовательно, естественный язык — это особого рода преобразователь типа «Смысл ↔ Фраза», выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им фразы и заданных фраз в соответствующие им смыслы [Мельчук 1999: 9–10].

Чтобы задать концептуальный мир, *И. А. Мельчук* вводит в свою теорию «новый уровень представления высказываний, более глубинный, нежели семантический — концептуальный» [Мельчук 1999: XI]. Этот уровень описывает «фрагмент внеязыковой действительности, т. е. определенной ситуации». Его элементами являются «физические объекты, существа, субстанции», а также «действия, деятельность, события, процессы, состояния, отношения ... и т. д.» [Иорданская, Мельчук 2007: 221, 50].

Теперь о самом главном в понимании данного определения языка (да и всей парадигмы). Как и значения слов, смыслы фраз языка тоже отделены от концептуального мира и его ситуаций (конфигураций концептов). Они описываются тем же семантическим языком, что и значения слов, посредством того же набора простых слов («смысловых атомов») языка и небольшого числа элементарных синтаксических конструкций.

Естественно возникает вопрос: как язык и его смыслы выполняют свою функцию — описывают концептуальный мир человека? Ответ здесь таков. Во-первых, для осуществления мышления человек использует особый общечеловеческий («универсальный» и «формальный») язык мыслей, ср.: «Представление концептуального уровня — это последовательность *сообщений*, т. е. особого рода формальных выражений, изображающих желаемое содержание будущего текста максимально независимым от языка образом» [Мельчук 1999: XI; курсив автора, разрядка моя. — *А. К.*]. Во-вторых, для соотнесения смыслов фраз с концептуальными ситуациями человек использует специальную модель-конвертор «Смысл ↔ Концепт», которая по языковому смыслу фразы

⁴ В квадратные скобки включены дополнения и разъяснения, сделанные *И. А. Мельчуком* при подготовке переписки к печати.

строит соответствующее описание концепта на универсальном языке мыслей, а затем по этому описанию находит в концептуальном мире и сам концепт (или ситуацию). В итоге, связь между фразой и концептом реализуется посредством следующей цепочки:

Фраза $\Leftrightarrow$ Смысл $\leftrightarrow$ Описание концепта на языке мыслей $\Leftrightarrow$ Концепт.

По определению Мельчука, «естественный язык в узком смысле, или *собственно язык*» [Иорданская, Мельчук 2007: 221] — это только левая часть цепочки: модель «Фраза $\Leftrightarrow$ Смысл». В то же время остальная ее часть — модель-конвертор «Смысл $\Leftrightarrow$ Концепт» — хотя и «исключительно важна для работы модели» «Фраза $\Leftrightarrow$ Смысл», но «к ней не относится», т. е. не является «собственно языком».

Итак, в модели Смысл $\Leftrightarrow$ Текст *языковое значение (смысл)* — это *семантическая структура, заданная посредством элементов метаязыка (элементарных смыслов: имен и связывающих их предикатов)* [Мельчук 1999: 11, 57].

Обратимся для сравнения к языковой концепции С. Пинкера (она также принадлежит к данной парадигме). При всем ее капитальном отличии от целостной и многоаспектно разработанной теории И. А. Мельчука, связь между языком и миром объясняется в ней аналогично — посредством особого «языка мыслей и рассуждений», «универсального мыслекода»:

Люди думают не на английском, китайском или языке апачей. Они думают на мыслекоде. Этот мыслекод ... предположительно располагает символами для выражения понятий и комбинациями символов, которые соответствуют носителю и объекту действия <...> Знание языка, таким образом, означает знание того, как можно перевести мыслекод в словесные цепочки и наоборот [Пинкер 2004: 69–70].

Понятно, что использование мыслекода у Пинкера и языка формальных сообщений у Мельчука отменяет необходимость усматривать в грамматических классах и в частях речи какие-либо общие значения. Ср.: существительное — это «класс лексем, которые ведут себя как имена собственные. Они склоняются, имеют множественное число, их можно сделать подлежащим. А остальное просто не нужно» [Мельчук 2005] и «существительное ... это вид слов, которые стоят после артикля, к такому слову можно „приклеить“ апостроф с буквой s('s) и так далее» [Пинкер 2004: 94].

Порождающая грамматика Н. Хомского также относится к данной парадигме. Хотя эта теория не учитывала языковой семантики (по крайней мере, в первых версиях), она послужила «теоретической базой» для теории моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» [Мельчук 1999: 17]. В более поздней версии теории [Chomsky 1980] способность ребенка к овладению родным языком объясняется автономным развитием у него врожденного лингвистического модуля, задающего базовые структуры естественного языка. Там же (с. 4) автор специально подчеркивает, что не разделяет мнения многих ученых о том, что изучение языка связано с изучением сознания. Так что старое положение о независимости языка и мышления [Хомский 1972: 22] остается неизменным.

Замечание 2. Появились лингвистические результаты, ставящие под сомнение положение о замкнутости и самодостаточности языковых значений. Один из них содержится в монографии [Иорданская, Мельчук 2007: 524]. В толкования причинных предлогов (*из-за* и *от*) вводятся «особые условия на употребление», которые «зачастую обращаются не к семантическому описанию лексических единиц, а к определенным аспектам реальных ситуаций. В рамках модели „Смысл $\Leftrightarrow$ Текст“ в ее сегодняшнем состоянии такие условия непроверяемы; они рассчитаны на серьезную разработку Концептуального Представления мира и участников акта речевой коммуникации, которое пока отсутствует».

Иными словами, для описания правил употребления причинных предлогов с другими лексическими единицами требуется привлекать свойства «реальных» ситуаций. Следовательно, «Синтактику» причинных предлогов не удастся определить только внутриязыковыми средствами, без обращения к внеязыковой реальности (к концептуальному уровню).

Представители постсосюрской парадигмы: Л. Блумфилд, Н. Хомский, С. Пинкер, А. А. Потебня, А. А. Реформатский, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, В. С. Храковский и др.

У. ТРЕТЬЯ, АНТИСОСЮРСКАЯ, ИЛИ КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМА

1. Основной постулат. Концептуальный мир первичен, возникает в мозгу ребенка до языка и играет в отношении последнего доминирующую роль. Значения языковых единиц суть концепты или их обобщения, а системность языковых единиц отражает системность мира (связи между его концептами)⁵. В результате, знаки языка по-прежнему образуют систему, но эта система подсистемой поименованных концептов, т. е. частью концептуального мира ребенка⁶. Тем самым система знаков утрачивает свойство самостоятельности⁷.

Схема знака в данной парадигме допускает два варианта. Один является зеркальным отражением варианта (2а) — сосюрской схемы. Только в данном случае тождество «значение ≡ концепт» названо не значением, а концептом (мы для простоты только его и оставляем):

- (2в) слово — «концепт»,
 (2в') *стул* — «стул».

Здесь знаки — это поименованные концепты. Они (их имена) возникают в процессе усвоения ребенком родного языка, когда он звучащие вокруг него слова напрямую связывает с уже существующими концептами — единицами своего концептуального мира.

Второй вариант схемы знака предполагает наличие еще одного типа концептов — обобщений предметных концептов (значок —< обозначает отношение обобщения):

- (2г) слово — «концепт» —< «обобщенный концепт»,
 (2г') *стул* — «стул» —< «обобщенный стул».

Схемы (2в) и (2г) по-разному решают проблему полисемии. Согласно второй схеме, у слова есть общее значение, или инвариант («обобщенный концепт») и частные значения («концепты») — варианты общего значения. Эту позицию поддерживают Р. Якобсон, А. Вежбицкая и др. Согласно же схеме (2в) у слова есть только частные значения. Они могут иметь общие семантические элементы, но общего значения слово не имеет. Такой подход разделяется, в частности, Д. Н. Шмелевым, Дж. Лакоффом и др.

Эти две схемы отражают также разные трактовки природы языкового значения. В соответствии со схемой (2в) языковые значения не отличаются качественно от предметных концептов, не образуют в их системе особой подсистемы, ср. «постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания»

⁵ Ср. «постулат о примате когнитивного» в [Баранов, Добровольский: 1997: 14].

⁶ Ср. точку зрения Б. А. Серебренникова: «первое членение мира осуществляется еще до возникновения языка ... Представление о предметах и явлениях окружающего мира у человека возникает в доречевой стадии <...> В структуре языка отражаются отношения между предметами и явлениями материального мира» [Серебренников 1988: 203, 3].

⁷ Именно эту, «референциальную» функцию языка Р. Якобсон выделяет как «центральную» среди других его функций: «... установка на *референт*, ориентация на *контекст*, — короче, так называемая *референтивная* (денотативная, или когнитивная) функция — является центральной задачей многих сообщений ...» [Якобсон 1975: 198; курсив автора], ср. также: «речевой звук ... должен быть ... ассоциирован с каким-либо элементом или группой элементов опыта — скажем, со зрительным образом или рядом зрительных образов ... для того, чтоб приобрести хотя бы рудиментарную языковую значимость. Этот „элемент“ опыта есть содержание или „значение“ языковой единицы» [Сепир 1993: 33].

[Баранов, Добровольский 1997: 15]. Схема (2г), напротив, постулирует качественное различие двух типов значений: общие значения, будучи концептами более общего типа, образуют самостоятельную подсистему, отделенную от их вариантов — конкретных предметных концептов, представляющих частные значения. Ср.: «границы языка и мышления не совпадают ... язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения» [Сепир 1993: 36], см. также [Касевич 1998: 16–18], где приводятся «свидетельства относительной автономности языковых механизмов», их отделенности от «общекогнитивных структур и механизмов».

2. Лингвистические постулаты. Из основного постулата вытекают два лингвистических постулата:

- 1) язык представляет собой систему языковых знаков, значения которых суть элементы концептуального мира (т. е. образуют подсистему концептов);
- 2) языковой знак задается либо схемой (2в), либо схемой (2г).

Лингвистические теории, разделяющие постулаты 1 и 2, мы будем относить к когнитивной парадигме.

В современной отечественной лингвистике этот подход представлен в работах целой плеяды исследователей, в частности, в работах В. Г. Гака [Гак 1998: 210 и сл.], Б. А. Серебренникова и Д. Н. Шмелева. Последний, отличие от А. А. Реформатского, определяет слово как «языковой знак, призванный обозначать предметы и явления окружающей действительности» [Шмелев 1977: 60; разрядка автора], ср. также:

Индивидуальные лексические значения слов в значительной степени обусловлены природой обозначаемых словами предметов и явлений самой действительности <...> Конечно, возможно изучение значений слов на основе их лексической и синтаксической сочетаемости ... Но такое изучение, очень важное для семасиологии, не является само по себе изучением значений ... не может раскрыть подлинной природы существующих между ними различий <...> при своей привлекательности идеи о некоторой освобожденной от значения «сетки значимостей» неясно, как можно изучать номинативные единицы как таковые, игнорируя их номинативную функцию [Шмелев 2006: 13–16].

Эта точка зрения вполне согласуется с позицией Р. Якобсона, высказанной им в курсе лекций «Формальная школа и современное русское литературоведение» (Брно, 1935 г.). Анализируя цитированную выше мысль Потебни, он отмечал:

... установка на предметность является сущностью знака, и — прежде всего — основой слова, основой языка. Знак и в особенности слово обозначает нечто, иначе он бы не был бы знаком, это его собственная функция, его идеал. Каково отношение этого гравитационного пункта, этого языкового идеала к языковому идеалу, который выделяет Потебня и который можно определить как установку на знак или самодостаточность, самоцельность знака? ... Установка на знак предполагает одновременное существование противоположной функции, то есть ориентации знака на объект реальности, ибо иначе знак перестает быть знаком и обращается в ничто [Якобсон, в печати].

Тем самым в значении слова различаются два компонента — «значимость» и «значение», ср. «значение слова основано на диалектическом единстве языкового и внеязыкового содержания» [Шмелев 1977: 62–63]. Может показаться, эта трактовка противоречит первому лингвистическому постулату, поскольку «сетка значимостей» задает собственную системность языка. На самом деле это не так, поскольку «сетка значимостей» отражает именно системность элементов мира, которую и фиксируют значения слов, ср. выше у Б. А. Серебренникова: «В структуре языка отражаются отношения между предметами и явлениями материального мира» и у Д. Н. Шмелева: «Словарные толкования как раз и основываются на определенном соотношении обозначаемых словами предметов с другими предметами» [Шмелев 2006: 13].

3. Концепция А. Вежбицкой. Если обратиться к целостным концепциям, относящимся к когнитивной парадигме, то, пожалуй, первая из них (сочетающая в себе общий подход к языку и его назначению с детальной разработкой аппарата семантических описаний и широчайшим спектром его применения) — это концепция А. Вежбицкой⁸. На первый взгляд, она близка к теории моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», поскольку в ней также используется «естественный семантический метаязык» (ЕСМ), предназначенный для описания «любых языковых значений». Правда, ЕСМ строится как «универсальный метаязык» и базируется на положении о том, что «в основе всех языков, сколь угодно различных, лежат изоморфные множества семантических элементов» и «универсальные синтаксические правила» [Вежбицкая 1999: 17, 25].

Однако радикальное отличие концепции А. Вежбицкой от теории И. А. Мельчука связано не с универсальностью как таковой, а с обоснованием природы ЕСМ. Если в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» существование семантического метаязыка для данного языка следует из замкнутости последнего, его отделенности от концептуального мира, то в теории А. Вежбицкой, напротив того, существование ЕСМ обусловлено его непосредственной связью с концептами мира. Семантические примитивы ЕСМ суть «воплощения» (т. е. «лексикализации») в каждом языке основополагающих элементов мира человека — фундаментальных концептов, а синтаксические правила отражают естественные комбинации этих концептов в мире человека. Ведь каждый набор семантических примитивов

есть не что иное, как одна лингвоспецифическая манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов. <...> Это предположение было основано на представлении о том, что фундаментальные человеческие концепты являются врожденными <...> Я также постулирую врожденные и универсальные правила синтаксиса ... в смысле интуитивно верифицируемых моделей возможных комбинаций элементарных концептов [Там же: 16–17, 25].

Тем самым фактически постулируется первичность и системность концептуального мира — «фундаментальных концептов» и их «возможных комбинаций», — порождающая (уже вторичную!) системность «семантических примитивов» и «универсальных правил синтаксиса».

Примат концептуального мира над языком не ограничивается у А. Вежбицкой только уровнем фундаментальных, общечеловеческих концептов. Он распространяется и на этнокультурные концепты, которые также воплощаются в языковых значениях слов, но не общепонятных, а лингвоспецифических, задающих «ключевые» концепты народной культуры.

Важно подчеркнуть: свой метаязык ЕСМ Вежбицкая использует не только для описания языковых значений, но и для описания самих концептов мира. Так, в [Вежбицкая 2005: 467] указывается, что автор изучает значения ключевых слов, «чтобы вскрыть их скрипты», т. е. этноспецифические концепты⁹:

Культурные скрипты — это общеизвестные и обычно не оспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что и чего нельзя — м н е н и я, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению. <...> В русском языке имеется культурное ключевое слово *общение* ... В английском языке таких слов нет. ... Значит, нам нужно вскрыть русские культурные скрипты, которые могут объяснить существование и частое употребление таких слов, как *общение*, в русском языке; а чтобы вскрыть эти скрипты, нам нужно понять в точности смысл этих слов (разрядка моя. — А. К.).

⁸ Не мы первые относим концепцию А. Вежбицкой к области «когнитивной семантики», см. [Рахилина 1998: 280].

⁹ Как подчеркивает А. Вежбицкая, «теория культурных скриптов представляет собой расширение известного апресяновского учения о „наивной картине мира“» [Там же]. Необходимо, однако, помнить, что это учение относится исключительно к языку и языковым смыслам [Апресян 2005: 7–8].

Такая «двуликость» ЕСМ вполне понятна, ведь в его основу кладется «полный (пусть гипотетический) перечень фундаментальных человеческих концептов, способных генерировать все остальные концепты. Существенно, что этот список претендует на то, чтобы быть одновременно перечнем лексических универсалий» [Вежбицкая 1999: 16].

Но это означает, что между фундаментальным концептом и значением семантического примитива (воплощающим этот концепт) существенного различия нет. Если в теории Мельчука значение трактовалось как когнитивная единица особого типа, качественно отличная и отделенная от концепта, то здесь, напротив, значение оказывается когнитивной единицей, не дифференцированной от концепта.

Поскольку А. Вежбицкая считает «семантический инвариант краеугольным камнем эффективного семантического анализа», можно полагать, что она исходит из схемы знака (2г). В этом отношении ее подход также отличается от подхода И. А. Мельчука, считающего, что инварианты в семантических описаниях не нужны.

Подытожим сказанное. В концепции А. Вежбицкой *языковое значение — это концептуальная структура, образованная естественными комбинациями фундаментальных концептов; она задана посредством элементов метаязыка (семантических примитивов, связанных синтаксическими отношениями).*

Можно думать, что языковая концепция А. Вежбицкой отражает ее более общие установки: сведение семантики к пониманию («семантика есть наука о понимании») и «атомистическое» объяснение понимания (человек может понять высказывание лишь потому, что оно «построено из простых элементов, которые понятны сами по себе») [Там же: 15].

Замечание 3. Нам кажется более обоснованной другая позиция: «толкование должно строиться не из простейших единиц, а из максимально крупных, какие только есть в словаре, т. е. из семантических „непосредственно составляющих“» [Мельчук 1999: 111]. Ведь чтобы осмыслить новое понятие, человек должен включить его в свой концептуальный мир, т. е. установить отношения между ним и своими концептами. Но если понятие действительно новое, такие отношения могут возникать лишь с его составляющими, уже не столь новыми. И чем они крупнее, тем легче усваивается и само понятие.

К примеру, если ребенок еще не научился обманывать, или не усвоил непосредственные составляющие обмана: «действие», «притворство», «выгода для себя», «ущерб для другого», он не сможет понять и слова *обман* (о концепте «Обман» см. [Кошелев 2008a: 128—130]). Иначе говоря, человек усваивает новое понятие лишь тогда, когда в его мире уже имеются концепты, сходные с ним или его основными компонентами. Так, восхитившись новой идеей, мы часто ловим себя на мысли, что уже не раз слышали (читали) о ней, но она «не доходила» до нас, пока мы сами не стали «кружить» вблизи нее.

Вообще, процесс понимания можно уподобить алхимическому процессу получения золота. Старый алхимический закон гласит: «Чтобы делать золото, прежде всего необходимо иметь некоторое количество настоящего золота. Если совсем не иметь золота, нет никакой возможности его сделать».

Из сказанного выше понятно, почему лингвисты, работающие в рамках когнитивной парадигмы, ищут семантические основания для грамматических и других абстрактных значений: они стремятся выявить характеристики общих концептуальных классов, задаваемых этими значениями. Классический пример — статья [Якобсон 1985]. Ср. также [Вежбицкая 1985: 303–341; Вежбицкая 1999: 91—133; Кубрякова 2004: 115 и сл.].

4. Концепция Дж. Лакоффа. Обратимся теперь непосредственно к когнитивной лингвистике и ее теориям языка. Поскольку «конечной целью описания языка в рамках когнитивной лингвистики является установление соответствий между языком и когнитивным представлением» [Кибрик 2003: 51; разрядка автора]), все эти теории принадлежат к когнитивной парадигме.

Одной из наиболее репрезентативных здесь является теория Дж. Лакоффа. Покажем сначала, что она гораздо ближе к теории А. Вежбицкой, чем это выглядит на первый взгляд. В самом деле, в отличие от А. Вежбицкой, изучающей концептуальный мир и его элементы исключительно посредством языка (см. выше: «Лучшие ключи к пониманию

того, как мог бы выглядеть список фундаментальных концептов, дает нам исследование языков»), Дж. Лакофф большое значение придает непосредственному изучению единиц концептуального мира. Тем не менее, и для него «изучение категоризации в языке будет одним из основных источников данных о природе структуры категории вообще», ср. также: «мы будем использовать лингвистические данные для изучения когнитивного аппарата ...» [Лакофф 2004: 87, 98].

Как и Вежбицкая, Лакофф не проводит существенного различия между концептом и значением: «Языковые категории должны быть того же типа, что и другие категории в нашей понятийной системе» [Там же: 86]. Только у Лакоффа это положение не постулируется, а выводится из того факта, что «прототипические эффекты» присущи как языковым значениям, так и концептам других типов [Там же: 86–98]). Кроме того, в отличие от А. Вежбицкой, Дж. Лакофф не признает инвариантов и считает, что «лексическая единица обладает семьей связанных друг с другом значений <...> из которых некоторые ... более репрезентативны, чем другие» [Там же: 538–539].

Семантику Дж. Лакофф трактует, по существу, так же, как и А. Вежбицкая («семантика — это наука о понимании»), ср.: «Необходима когнитивная семантика — эмпирически адекватное описание человеческого разума». Надо сказать, что это положение неизбежно вытекает из предыдущего: ведь языковые значения близки к концептам — единицам мышления, ср.: «Изучение категоризации является ключом к изучению мышления» [Там же: 474, 477].

Наконец, хотя Лакофф отвергает «атомистический» подход А. Вежбицкой («мысль имеет свойства *гештальта* и, таким образом, не атомистична: понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных „строительных блоков“ посредством общих правил» [Там же: 13]), идея «семантической композиционности» в его теории также реализуется. Просто «строительные блоки» у Лакоффа значительно крупнее [Там же: 365].

Построенная Дж. Лакоффом концептуальная система имеет два типа «непосредственно значимых» структур: базовые (родовые) концепты и образные схемы. Из них посредством когнитивных моделей строятся сложные концептуальные структуры.

Базовые концепты были подробно рассмотрены выше (см. раздел 2.1). Коснемся кратко образных схем (ВМЕСТИЛИЩЕ, ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ и др.). Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону (на которого ссылается Лакофф), образные схемы непосредственно понимаются человеком, поскольку воплощают его «телесный опыт». Они мыслятся как «гештальты — структурированные целые, которые представляют собой большее, чем просто совокупность частей» [Там же: 355], ср. объяснение «телесного опыта» для схемы ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ:

Мы все являемся целостными существами ... мы живем всю жизнь, сознавая как нашу целостность, так и наличие в ней частей. Наш опыт говорит о том, что наши тела представляют собой ЦЕЛОЕ с ЧАСТЯМИ. Для того чтобы действовать в мире, мы должны иметь знания о структуре ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ других объектов. В ходе эволюции наше восприятие базового уровня приобрело способность различать фундаментальную структуру ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ [Там же: 356].

Замечание 4. По-видимому, способность человека «вычислять» партитивную структуру предмета (концепта) базируется на более простом и конструктивном основании — на знании его общей антропоцентрической характеристики. К примеру, у велосипеда такая характеристика: «≈ сидя на нем, можно двигаться с помощью ног и направлять его с помощью рук»). Из нее однозначно следует структура его непосредственно составляющих функций, и реализующих их частей: колёса, руль, сиденье и педали. Но, скажем, спицы к ним уже не относятся, поскольку принадлежат ко второму уровню иерархии — выполняют частную функцию колёса, а не целого велосипеда. Это фиксируется и приименным генитивом *У X-а*, выражающим отношение «часть — целое» [Якобсон 1985: 149; Кибрик 2003: 311]. Как показано в [Кошелев 2006: 538], *У* в нем может называть только непосредственно составляющую *X-а*, поэтому словосочетания *колеса / руль велосипеда* корректны, а *спицы велосипеда* — нет. Аналогично и для «природных» объектов: «озеро», «обрыв» и др. [Там же: 550,

554 и сл.]. Партитивная структура живого организма, напротив, гетерархична: все его функциональные части являются непосредственно составляющими и относятся к первому уровню: *листья дерева, пальцы человека*, но не **листья ветки, *пальцы кисти* [Там же: 560 и сл.]. Поэтому перенесение человеком интуитивно понимаемой им структуры своего тела на предметы давало бы искаженный результат.

Образные схемы являются «источником структур» для когнитивных моделей (пропозициональных, метафорических, метонимических и др.), «посредством которых организуется наше знание» и формируются более сложные когнитивные структуры [Лакофф 2004: 99, 368].

Введенный концептуальный аппарат Дж. Лакоффа использует для описания языковых значений. Так, имя существительное определяется им как радиальная категория с центральной субкатегорией «физических существей — людей, мест, вещей». Широко известны его прототипические описания лексических значений таких слов, как *холостяк, мать, ложь* и др. [Там же: 103 и сл.]¹⁰. При этом никаких признаков, выделяющих языковое значение из других концептуальных структур, не вводится: «нет непроходимой пропасти между языком ... с одной стороны, и миром, с другой» [Там же: 379].

Итак, у Дж. Лакоффа, как и у А. Вежбицкой, *языковое значение — это концептуальная структура*.

Представители когнитивной парадигмы: Г. Фреге, Э. Сепир, Р. Якобсон, Б. А. Серебренников, Д. Н. Шмелев, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, Д. Слобин, Ч. Филлмор и др.

5. Итоги. Предпринятый нами анализ имел целью показать релевантность введенных парадигм изучения языка и не преследовал собственно таксономических целей. По разным причинам не были рассмотрены многие известные лингвистические концепции. К примеру, мы не решились отнести к какой-то определенной парадигме лингвистические концепции, авторы которых, признавая в принципе наличие у знака референта, не учитывают пока его роли при изучении языковых значений. Здесь можно указать теорию функциональной грамматики А. В. Бондарко [Бондарко 2002: 99–101] и теорию семантических дериваций Е. В. Падучевой [Падучева 2004: 17, 155–157].

Отметим, наконец, «синхронию» введенных парадигм. В монографии [Степанов 1998: 176 и сл.] рассмотрен хронологически последовательный набор парадигм («философий языка»), отражающих «господствующий в данную эпоху взгляд на язык». В нашем случае речь идет об одновременно существующих и развивающихся парадигмах.

VI. ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Наша ближайшая цель — кратко охарактеризовать два психологических открытия последней четверти XX века, первое из которых ставит под сомнение психологическую обоснованность сосюрловской парадигмы (раздел 3), а второе — психологическую обоснованность постсосюрловской парадигмы (раздел 4).

1. Когнитивная революция конца XX века¹¹. Как мы уже отмечали в разделе 2.3, начавшиеся в 60-е годы широкомасштабные когнитивные исследования выявили радикальную недооценку способностей младенца в области восприятия, причем, не только У. Джеймсом, но и многими классиками психологии XX века¹², ср.:

С самого раннего возраста младенец наделен организующими принципами, позволяющими ему репрезентировать мир и «понимать» некоторые законы его существования ... Например, такие конструкты, как непрерывность и субстанциональность, глубоко внедрены в

¹⁰ Как убедительно показано в [Вежбицкая 1996: 202, 205–208], эти описания, по меньшей мере, спорны.

¹¹ Не следует путать ее с когнитивной революцией второй половины XX века (см. о последней в [Демьянков 1994: 19; Вежбицкая 1999: 6–7]).

¹² Но не гештальтпсихологами (когнитивная революция заново «открыла» многие их результаты, см., напр., [Коффа 1934: 92 и сл.]), и не Л. С. Выготским ([Выготский 2005: 72 и сл.]).

когнитивные репрезентации физического мира и усваиваются человеком еще в младенческом возрасте. «...» младенец — не сенсомоторный индивид, лишенный упорядоченных ментальных структур, погруженный в хаос ощущений, как ранее полагалось. **Младенец — репрезентативный индивид**, наделенный способностью структурировать и упорядочивать мир [Сергиенко 2006: 14; выделено автором].

Вся совокупность полученных в ходе когнитивной революции результатов (а приведенная выше цитата и замечание 1 в разделе 2.3 отражают лишь малую их долю) свидетельствует о том, что *возникающий у младенца предметный мир феноменологически первичен*. Он, во-первых, *предшествует усвоению ребенком родного языка*, а во-вторых, в своей первичной стадии *не зависит также и от конкретного жизненного уклада, в рамках которого протекает начальное развитие ребенка* (см., например, [Би 2004: 246, 275]).

Полученные результаты порождают сомнения в психологической обоснованности сосюрговской парадигмы описания языка (раздел 3).

2. О разумном поведении и языке «говорящих» антропоидов. В последние десятилетия были получены важные результаты в изучении мышления и языковых возможностей высших антропоидов. Во-первых, оказалось, что антропоид, обладая системой восприятия, близкой к человеческой (см. [Зорина, Смирнова 2005: 96 и сл.; Сергиенко 2006: 185, 229; Гудолл 1992: 37 и сл.]), демонстрирует разумное поведение, основанное на развитом мышлении: он способен, подобно человеку, играть, смеяться, узнавать себя в зеркале, помогать своим сородичам, обманывать их [Сергиенко 2006: 229, 337–340] и т. д. Ср. также: «По образному выражению, животное создает некую внутреннюю картину мира, включающую комплекс представлений *что, где, когда* ... Различают также **образные** и **абстрактные** (отвлеченные) представления» [Зорина, Полетаева 2002: 87 и сл.; выделение авторов].

Во-вторых, антропоид оказался способным к усвоению человеческого языка на уровне двухлетнего ребенка. Это выявилось в ходе известной серии экспериментов по обучению антропоидов «языкам-посредникам» (упрощенному языку жестов глухонемых и др.), а также и естественному (английскому) языку. Наибольших «языковых» успехов добились шимпанзе Ушо¹³ и Канзи. Был проведен эксперимент, позволивший сравнить понимание речевых инструкций двухлетней девочкой Алей и шимпанзе Канзи. Инструкции содержались в английских фразах, которые диктовались им через наушники.

Канзи без какой-либо специальной тренировки правильно выполнял каждый раз новые инструкции ... При этом часть заданий давали в двух вариантах, смысл которых менялся в зависимости от порядка слов в предложении: *Выйди на улицу и найди там морковь; Вынеси морковь на улицу; Налей кока-колу в лимонад; Налей лимонад в кока-колу*. «...» Достижения Канзи несомненно подтвердили способность шимпанзе к спонтанному пониманию синтаксиса. ... В среднем Канзи выполнил правильно 81% заданий, тогда как Аля — 64% [Зорина, Смирнова 2005: 234, 236].

Полученные данные позволяют предположить, что концептуальный мир высших антропоидов сходен с концептуальным миром двухлетнего ребенка. Поскольку антропоид демонстрирует разумное поведение, основанное на мышлении, то в соответствии с постсосюрговской парадигмой он использует для этого специальный «язык мысли». Ср.: «Люди, лишенные языка, тем не менее, обладают мыслекодом, а младенцы и многие животные обладают его более простыми диалектами» [Пинкер 2004: 70]. Но отсюда следует, что антропоид, обучившийся языку двухлетнего ребенка, изобретает и конвертор, преобразующий значения фраз усвоенного им языка в универсальный мыслекод¹⁴, ср.: «Знание

¹³ Как сообщило 31 октября 2007 года Associated Press, в США, в ветеринарной больнице университета штата Вашингтон в городе Спокане (штат Вашингтон) в возрасте 42 лет скончалась Ушо — шимпанзе, освоившая человеческий язык (в версии американского языка жестов).

¹⁴ Для С. Пинкера этот вывод нерелевантен, поскольку он считает, что «языковые» достижения антропоидов — это умелая дрессировка, а вовсе не языковое поведение: «шимпанзе — это

языка, таким образом, означает знание того, как можно перевести мыслекод в словесные цепочки, и наоборот» [Там же].

Это, однако, представляется маловероятным. Гораздо разумнее думать, что антропоид обучается начаткам человеческого языка, напрямую соотнося усваиваемые слова (или жесты) со своими концептами, т. е. реализует схему знака (2в): слово — «концепт».

В этом случае усвоение им языка (и семантики, и синтаксиса) объясняется просто. Концептуальный мир антропоида сходен с миром ребенка, поэтому, овладевая лексикой (соотнося слова со своими концептами), антропоид автоматически усваивает и простейший синтаксис, выражающий основные конфигурации концептов (рассуждение, полностью повторяющее логику А. Вежбицкой, см. раздел 5.3). И никакого конвертора, переводящего «словесные цепочки в мыслекод и обратно», антропоиду не требуется. А это, в свою очередь, делает маловероятной гипотезу об использовании такого конвертора ребенком, при чем, как в двухлетнем возрасте, так и позднее, на этапе «языкового взрыва», когда его язык начинает интенсивно развиваться и быстро приближается к языку взрослого человека. Ведь это развитие преемственно и базируется на «доконвертерной» стадии развития языка.

Если приведенные рассуждения справедливы, они дают основание усомниться в психологической релевантности постсосюрловской парадигмы.

Дополнение. О развитии концептуальной системы ребенка и системы его знаков

В соответствии с общим постулатом когнитивной парадигмы изучения языка, мы полагаем, что развитие речи ребенка обусловлено, главным образом, развитием его концептуального мира. Существует множество концепций развития человека (см., напр., [Крэйн 2007]). Как нам кажется, наибольшей объяснительной силой обладает концепция, вытекающая из общей теории эволюции Ч. Дарвина и Г. Спенсера. Коротко говоря, ее можно свести к двум параллельно протекающим и взаимно компенсирующим друг друга тенденциям: 1) рост дифференциации некоторого нерасчлененного целого, разделение его на ряд относительно самостоятельных элементов и 2) рост интеграции элементов, возникших в результате дифференциации целого, см., [Чуприкова 2007; Левин 2001: 281–282].

Далее мы будем исходить из следующей гипотезы: *сущность умственного развития ребенка заключается в поэтапном развитии его системного мышления*. Попытаемся кратко охарактеризовать этапы системного мышления ребенка и показать, что соответствующее этим этапам *развитие его концептов заключается в преобразовании их во все более сложные концептуальные системы*.

Опираясь на сформулированную выше эволюционную концепцию развития, определим элементарный этап (шаг) развития концептуальной единицы ребенка как результат следующего двунаправленного действия: 1) дифференциация этой единицы на непосредственно составляющие части и 2) интеграция этих частей в систему — в структурированное целое.

1. Концептуальный мир 8-месячного младенца. В возрасте восьми месяцев у младенца начинается процесс пассивного усвоения речи (см., напр., [Крайг, Бокум 2007: 258]). Он начинает понимать первые слова и выражения родного языка и адекватно реагировать на них — обращать взгляд к названному предмету и пр. Это значит, что концептуальная система младенца обретает первичную схожесть с концептуальной системой взрослого. Попытаемся ее описать.

Восьмимесячный младенец вполне дифференцированно воспринимает окружающий предметный мир: тела (игрушки, животных, людей) и места (пол, «обрыв» за краем кровати, щель, и под.), ср.: «В 8 месяцев младенцы используют цвет, форму и непроницаемость поверхности для восприятия отдельности и целостности объектов (Needman, Bailargeon, 1993)» [Сергиенко 2006: 220 и сл.], см. также [Ньюкомб 2003: 176–177] и замечание 1 в

хорошо выдрессированные животные, а двухлетний ребенок — это двухлетний ребенок» [Пинкер 2004: 223].

разделе 2. Тем самым окружающий мир распадается на множество единиц, заданных своими предметными образами (или гештальт-формами — совокупностями предметных характеристик, включающих объемную форму, плотность, текстуру, размеры и др.).

Этим единицам младенец автоматически приписывает функциональные (ролевые) характеристики (потенциальности (affordances) — по Дж. Гибсону), ср.: «... от каждого предмета исходит как бы аффект, притягательный или отталкивающий, побуждающая мотивация к ребенку ... Как образно говорил Левин, лестница манит ребенка, чтобы он по ней пошел; дверь — чтобы он закрыл ее или открыл; колокольчик — чтобы он в него позвонил ... Словом, каждая вещь имеет аффективную валентность для ребенка ... провоцирует его деятельность, т. е. направляет его» [Выготский 2005: 134–135].

В результате, каждая предметная единица представляется в виде пары:

(4) предметный образ ← {пучок желанных / нежелательных взаимодействий с ним},

где стрелка ← обозначает отношение интерпретации. Такие пары мы будем называть **субконцептами**. Например, субконцепт «стул» имеет вид:

(4а) образ стул ← {на нем можно сидеть / его можно передвигать / он может упасть ...}.

Можно предположить, что совокупность таких субконцептов и образует концептуальный мир 8-месячного младенца. Возникающий на его основе конкретный жизненный (предметный) мир младенца и позволяет ему понимать первые слова.

Замечание 5. Следует, однако, иметь в виду, что узнаваемые младенцем слова еще не несут функции языковых знаков. Они для младенца — лишь звуковые жесты, указатели на некоторые физические ситуации, контактно соединенные комплексы субконцептов. Младенцу в этот период свойственно допонятийное (комплексное — по Выготскому) мышление и возникающая чуть позднее автономная речь, ср. «значение слов не постоянно, а изменчиво ... не предметное, а ситуативное ... в автономной детской речи предмет носит разное название в зависимости от ситуации» [Выготский 2005: 124].

С 9–10 месяцев ребенок начинает использовать символические действия для игры и управления действиями взрослых ([Крайг, Бокум 2007: 253]). В это же время у него возникают «коммуникативные намерения и конвенциональная сигнализация» [Бейтс 1984: 51]. Если ранее ребенок, стремясь дотянуться до цели, смотрел только на нее, то теперь он попеременно смотрит на цель и на взрослого. Его действия (например, «дотянуться и схватить») часто становятся обращенной к взрослому символической имитацией реальных действий. Первые слова, произносимые ребенком в этот период (его х о л о ф р а з ы), также выступают в символической функции. Полемизируя с В. Штерном, утверждавшим, что первое слово *мама* в переводе на развитую речь означает целое предложение: *Мама иди сюда*, или *Мама, дай*, Л. С. Выготский замечает: «не слово *мама* должно быть переведено на язык взрослых, например, *Мама, посади меня на стул*, а все поведение ребенка в данный момент (он тянется к стулу ... и т. п.) ... единственно правильный перевод детского *мама* и вообще первых детских слов — это указательный жест, эквивалентом, условным заместителем которого они вначале являются» [Выготский 1996: 85; разрядка автора].

С 12–13 месяцев ребенок начинает употреблять слова как знаки — в их референциальной функции, не обусловленной конкретной ситуацией и его текущим поведением, ср.: «Слово *нос* применяется для множества носов, а не в конкретной игре, связанной с прикосновением к своему собственному носу. Таким образом, для ребенка в возрасте 13 месяцев у вещей уже есть имена, как в процессе понимания, так и порождения речи» [Бейтс 1984: 61].

2 Схема знака у ребенка одного-полутора лет. Появление у младенца языковых знаков мы связываем с развитием его концептуальной системы. На уровне 1 *рис. 1* изображена ситуация «человек сидит на стуле», отвечающая восприятию 12-месячного ребенка. Первоначально в ней субконцепты «пол», «стул» и «человек» не интегрированы в целостную ситуацию. Они объединены для ребенка лишь контактной близостью. Но в какой-то момент ребенок начинает произвольно понимать, что эти субконцепты взаимодействуют друг с другом. Среди пучка действий субконцепта «пол» есть действие ‘поддерживает (служит опорой)’, а среди пучка действий субконцепта «стул» есть действие ‘опирается’. Аналогично, человек в числе других действий может сидеть, а

стул обеспечивает возможность сидеть. Тем самым ситуация обретает для младенца целостность. Слово *стул* относится к субконцепту «стул», но обозначает также и всю ситуацию.

Итак, к 12–13 месяцам некоторые субконцепты ребенка обретают имена и становятся первыми языковыми знаками. К примеру, схема знака *стул* имеет вид:

- (4) *стул* — субконцепт «стул», или
стул — предмет стул ← { на нем можно сидеть / его можно передвигать ... }.

Заметим, что постепенно в пучке действий субконцептов выделяются наиболее типичные действия (назовем их функциями). Так, для пола это — ‘служить опорой’, а для стула — ‘использоваться для сидения’. Поэтому в схеме знака действия также ранжируются по степени типичности.

3. Схема знака у ребенка полутора-двух лет. Следующий шаг развития можно определить так: субконцепты, имеющие в рамках ситуации ограниченную самостоятельность, превращаются в полностью независимые от ситуации (базовые) концепты. Например, для субконцепта «стул» данный шаг осуществляется следующим образом. Сначала ситуация «человек сидит на стуле» (первый уровень на *рис. 1*) дифференцируется на непосредственно составляющие ее субконцепты: «стул», «пол» и «человек». Затем предметные компоненты двух последних субконцептов заменяются их функциями в отношении стула: ‘опора для стула’ и ‘может сидеть, опираясь спиной’, которые и приписываются предмету стул, т. е. связываются с ним отношением интерпретации (←). Благодаря ему все три новые компоненты образуют целостную и уже вычлененную из ситуации систему — самостоятельный **концепт** «стул» (уровень 2 на *рис. 1*). Его предметная компонента наследует имя *стул*.

На *рис. 1* данный шаг развития отображен переходом от уровня 1 (субконцепт) к уровню 2 (концепт). Здесь и далее двойные стрелки обозначают операцию дифференциации — переход от целого к его непосредственным составляющим (частям). Одинарные стрелки, напротив, осуществляют операцию интеграции — связывание разделившихся частей.

Обозначим отношение развития значком ←. Тогда схема знака у полуторагодовалого ребенка будет иметь вид:

- (5) *стул* — субконцепт «стул» ← концепт «стул».

Замечание 6. Примерно с полутора лет у ребенка появляется телеграфная речь — осмысленные фразы, состоящие из двух или трех слов, расположенных в правильном порядке, но часто не согласованных (*Вижу собачка, Сидеть стул, Где мяч?*) [Пинкер 2004: 254 и сл.; Крайг, Бокум 2007: 266]. Разумно предположить, что этот этап речевого развития ребенка обусловлен развитием его субконцептов — формированием из них самостоятельных концептов. Благодаря этому совокупность взаимосвязанных субконцептов превращается в конфигурацию самостоятельных (и поименованных) концептов, объединенных чисто функциональными отношениями. Для вербализации такой конфигурации концептов ребенок должен употребить уже не одно, а несколько слов, упорядочивая их некоторым «естественным» образом. Приведем два примера, иллюстрирующих сказанное. 1) «Маленькие дети часто комбинируют одно слово с жестом, создавая „двусловное сообщение“, перед тем как они действительно начнут объединять два слова вместе ... младенец может указать на ботинки отца и произнести *papa*, что будет обозначать ‘папины ботинки’» [Би 2004: 260]. Раньше, когда ботинки не воспринимались ребенком как самостоятельный предмет, для описания данной ситуации он вполне мог ограничиться лишь указанием на них. 2) Ребенок использовал фразу *Мама носок*, чтобы описать две различные ситуации: «когда он подобрал мамин носок и ... когда мама надевала носок на ножку ребенка» [Там же: 262]. Раньше и ту и другую ситуацию он мог бы назвать одним словом *носок*.

Этого же уровня языкового развития («телеграфная „речь“») достигает «говорящий» антропоид (см. раздел 6.2), что указывает на сходство концептуальных систем антропоида и ребенка полутора-двух лет.

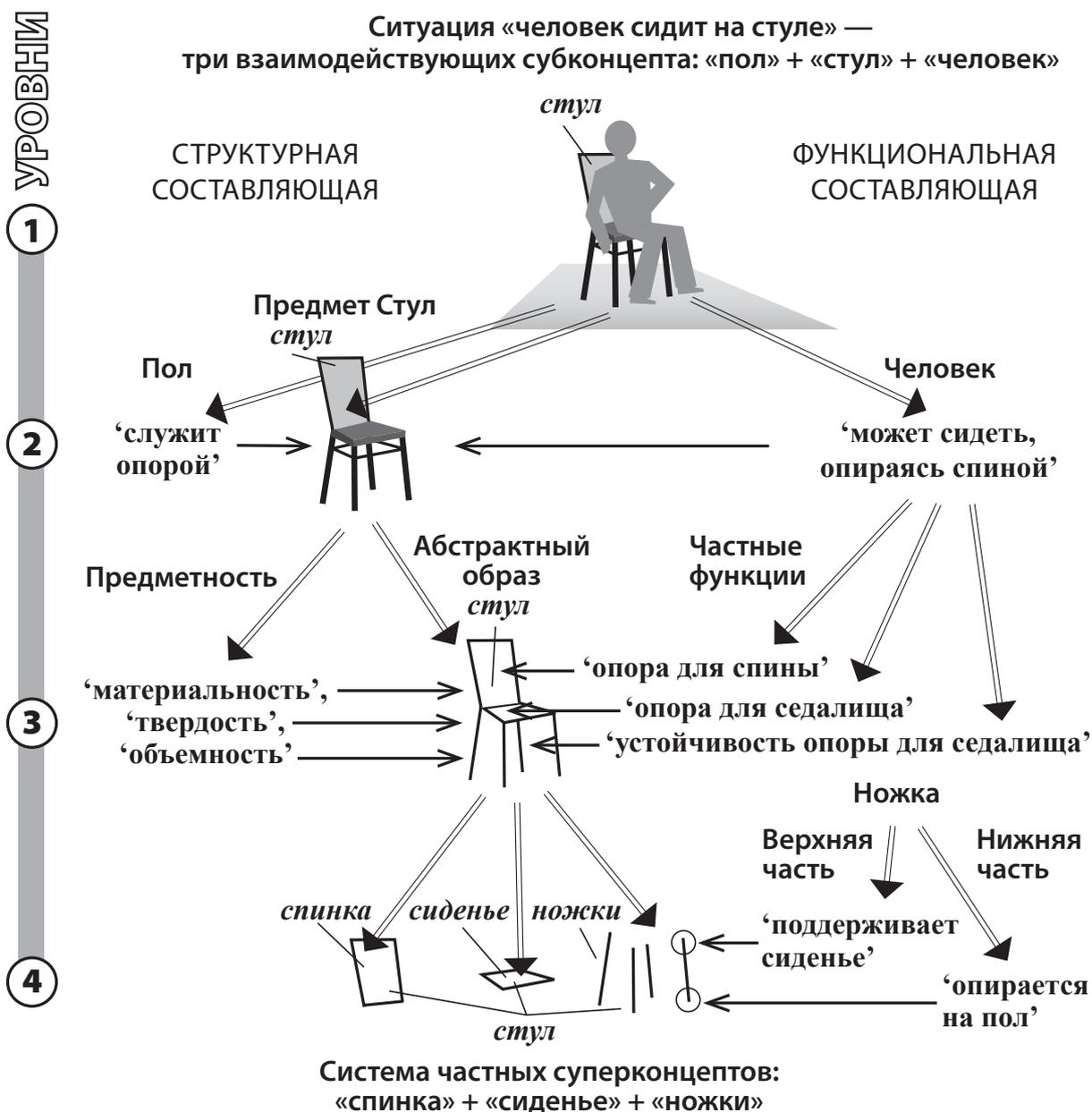

Рис. 1. Концептуальная система «стул» — единица познания (знания и понимания) предмета стул; задает совокупность всех значений слова *стул*.

4. Схема знака у ребенка двух-трех лет. Следующий шаг развития, относящийся уже к концептам, приводит к образованию из них еще более детализированных систем, — **суперконцептов**, предметный образ которых имеет вид партитивной структуры (разделен на части). Продолжим рассмотрение концепта «стул» (см. уровень 2 на рис. 1). Чтобы не усложнять рисунок, предположим, что функция ‘опора для стула’ элементарна и дальнейшему разложению не подлежит. Предметный образ стула разлагается на две непосредственно составляющие: Предметность (‘материальность + физическая твердость + пространственная объемность’) и Абстрактный (бесплотный) образ, наследующий имя *стул*. Общая функция Абстрактного образа распадается на три частные функции: ‘опора для спины’ + ‘опора для сидалища’ + ‘устойчивость опоры для сидалища’ (уровень 3 на рис. 1).

Возникший суперконцепт также образован двумя составляющими: структурной (абстрактный образ с его предметными свойствами) и функциональной, задающей роли его частей. Он появляется у ребенка двух-трех лет.

Соответствующим образом развивается и его схема знака:

(6) *стул* — субконцепт «стул» —< концепт «стул» —< суперконцепт «стул».

Замечание 7. Тот факт, что дети старше двух лет располагают когнитивными единицами типа суперконцепт «стул», имеет лингвистическое подтверждение. Употребление генитивной конструкции *У X-а* (*спинка стула*) корректно лишь при условии, что существительное *У* называет одну из непосредственно составляющих предмета *X* (см. замечание 4 в разделе 5.4). Поэтому, скажем, выражение *ножки стула* корректно, а **планки стула* — нет (о планках, скрепляющих ножки стула, см. *рис. 1*). Но «дети в возрасте до двух-трех лет усваивают ... конструкции со значением часть — целое» [Цейтлин 2000: 135]. Следовательно, они уже открыли для себя («вычислили») партитивную структуру окружающих предметов — важнейший компонент предметного суперконцепта, превращающий знание ребенка о предмете в понимание предмета — знание функций его частей. Поэтому, если, допустим, стул потерял устойчивость и падает, когда на него садятся, трехлетний ребенок может догадаться о причине неустойчивости: могла сломаться ножка стула (утратилась ее функция), см. также замечание 3 в разделе 5.3.

В статье [Кошелев 2008, в печати] приводятся аргументы в пользу гипотезы о том, что начинающееся у двухлетнего ребенка лавинообразное развитие языка («языковой взрыв») обусловлено развитием его концептуальной системы до уровня суперконцептов. По-видимому, антропоид в своем развитии останавливается на уровне концептов. Поэтому он, во-первых, не обладает пониманием предметов, а во-вторых, не способен к дальнейшему развитию своего «языка».

5. Схема знака у ребенка трех-пяти лет. Очередной шаг в развитии, относящийся уже к суперконцепту (уровень 3 на *рис. 1*), заключается в преобразовании его в **систему частных суперконцептов**: «спинка», «сиденье» и «ножки» (см. уровень 4 на *рис. 1*).

Функция каждой составляющей абстрактного образа (спинки, сиденья и ножек) дифференцируется на более частные функции. Так, функция ножки «удерживает сиденье (придает ему устойчивость)» делится на две составляющие: ножка своей верхней частью «поддерживает сиденье», а нижней — «описывается на пол»; спинка передней стороной «дает опору спине человека», а задней (или нижней) — «прикрепляется к сиденью или ножкам (чтобы выдерживать давление)». Аналогично и для сиденья. Тем самым частные функции задают и физическую дифференциацию составляющих: верхняя / нижняя части ножки, передняя / задняя стороны спинки и т. д. В результате спинка, сиденье и ножки сами становятся суперконцептами (партитивными структурами), которые уже функционально, а не физически (контактно, как в абстрактном образе) связаны между собой. Эти связи задают «функциональную схему сборки» абстрактного образа: «спинка задней (или нижней) частью прикрепляется к сиденью или ножкам» и т. д. Возникающая система частных суперконцептов и наследует имя *стул*.

Итак, у ребенка трех-пяти лет схема знака имеет вид:

(7) *стул* — субконцепт «стул» —< концепт «стул» —< суперконцепт «стул» —< система частных суперконцептов: «спинка» + «сиденье» + «ножки».

Назовем четырехуровневую структуру (*рис. 1*) **концептуальной системой «стул»**. Тогда схема (7) получит вид: *стул* — концептуальная система «стул».

Замечание 8. Система частных суперконцептов (4-й уровень) обеспечивает ребенку более глубокое понимание предмета. Он теперь знает как «работают» части составляющей, чтобы обеспечить «работу» целой составляющей (выполнение ею своей функции). Так, зная теперь, что ножка «верхней частью поддерживает сиденье», а «нижней частью опирается на пол», ребенок может сообразить, почему «не сработала» ножка стула (см. замечание 7): сломалась ли она сама (и ее верхняя часть не поддерживает сиденье) или же проломился под ней пол (и не обеспечивает опоры для ее нижней части).

Можно предположить, что система частных суперконцептов возникает у ребенка после трех лет. В этот период каузальные способности детей существенно возрастают [Крайг, Бокум 2007: 339–240; Шэффер 2003: 360]. Они «употребляют логиче-

ские, каузальные выражения, например, *если — то и потому что*, с той же степенью точности, что и взрослые ... Создается впечатление, что логика в рассуждениях страдает лишь при незнании предмета ...» [Берк 2006: 393]. Вопрос «Почему?» — становится в 4 года их главным вопросом.

6. Концептуальная система — единица познания жизненного мира. Частные суперконцепты 4-го уровня на *рис. 1* («ножки» и др.) далее не развиваются, поскольку их части: «верхняя / нижняя часть ножки» и др. не имеют самостоятельной формы, которая бы задавала их функции. Они — **элементарные суперконцепты**. Но для велосипеда частные суперконцепты 4-го уровня: «колёса», «педали» и др. (см. замечание 4 в разделе 4.5) не элементарны. Каждый из них порождает следующий, 5-й уровень своих частных суперконцептов. К примеру, для колеса — это «обод», «шина» и «спицы». Для автомашины таких уровней может быть гораздо больше. Естественно, обычный человек (не автомеханик) может не знать не только всех концептуальных уровней автомашины, но даже и 5-го уровня велосипеда. Где-то между уровнями проходит граница, отделяющая обычные знания человека (мы их будем называть *жизненными*, относящимися к его жизненному миру), от профессиональных и научных знаний. Об этом же писали А. А. Реформацкий и А. А. Потенция, указывавший, что при описании значения слова *дерево* нельзя «переходить в область ботаники» (см. раздел 3.2).

Мы будем полагать, что жизненные знания рядового носителя языка об окружающих его предметах ограничиваются четвертым уровнем, — системой частных суперконцептов. В этом случае можно считать, что человек обладает глубоким пониманием предмета. Знание трех уровней обеспечивает ему поверхностное понимание предмета, а двух — просто знание предмета (им обладают полуторгодовалые дети и высшие антропоиды).

Замечание 9. Как мы видим, элементарные концепты возникают естественным путем — как терминальные единицы концептуальной системы. Часто они входят в структуру других концептов, ср.: ножка цветка / гриба / ребенка / дивана / торшера / циркуля / бокала / зонтика, козья ножка, ножка буквы Т, плодоножка и т. д. (ср. также: нога человека / коровы / подсолнуха / телебашни и т. д.); спинка кровати / дивана / скамейки / парты / сиденья машины и др. Подчеркнем: одно имя для внешне столь непохожих элементов (ножки гриба, циркуля, дивана и др.) обусловлено тем, что в своих системах концептов (подобных концептуальной системе «стул», см. *рис. 1*), эти элементы выполняют одну и ту же роль: ‘удерживать предмет над землей, от падения на нее’.

Будучи самостоятельными, не связанными между собой физически, концепты разных систем (как элементарные, так и просто частные: «колесо», «педаль») легко классифицируются, поскольку могут быть аргументами самых разных отношений: тождества, подобия, обобщения и пр.

7. О значениях слова *стул*. Концептуальная система «стул» — правая часть схемы (7) — задает совокупность всех значений слова *стул*. В лексическом плане она подобна схеме (2г'): *стул* — «стул» — «обобщенный стул» (см. раздел 5.1), которая решает проблему полисемии посредством общего значения. В схеме (7) концепт «стул» (уровень 2 на *рис. 1*) выражает главное (частное) лексическое значение, а пара «суперконцепт «стул» — система частных суперконцептов» выполняет функцию общего значения (инварианта). Другие частные значения получаются из этого инварианта путем признания некоторых его элементов (характеристик) факультативными. Перечислим основные частные значения, точнее, задаваемые ими классы референтов.

1) контурный рисунок стула, подобный абстрактному образу (отпадает ‘материальность’, ‘твердость’ и др. элементы). При этом ‘объемность’ сохраняется, но приписывается ему как потенциальная: в самом деле, глядя на плоский рисунок (абстрактный образ) стула на *рис. 1*, трудно заставить себя увидеть его не объемным, двумерным;

2) несоразмерные стулья, типа детской игрушки или исполинского стула, сложенного из огромных каменных плит, как на картине Рене Магритта «Легенда веков» (1948 г.);

3) мираж стула — ‘объемность’ реальна, но многие другие элементы концептуальной системы «стул» элиминируются;

4) разобранный стул — стопка его частей; он соответствует системе элементарных суперконцептов (4-й уровень на *рис. 1*);

5) стул без ножки или без спинки, сломанный стул;

6) любой предмет в форме стула (увидев в механизме своей игрушки деталь, внешне похожую на стул, ребенок вполне может назвать ее словом *стул*).

Нетрудно видеть, что инвариантом всех этих (и других) лексических значений является абстрактный образ стула. Он или, по крайней мере, большая его часть присутствует во всех значениях. Что касается его интерпретаций, то почти все они факультативны.

Будучи полным значением слова *стул*, концептуальная система «стул», наряду с лексическими, задает и его грамматические значения. Вообще, кажется естественным полагать, что структурная составляющая системы воплощается в синтаксических (грамматических) значениях, а функциональная (ролевая) — в лексических. В самом деле, структура образа и его место в системе образов мира жестко фиксированы и не допускают произвольных вариаций. Это качество отражается в синтаксисе языка, который подчинен столь же жестким правилам. Функциональная характеристика образа — его место в системе человеческих интенций — напротив, допускает вариативность в весьма широких пределах, делающих выражения типа *бесцветные зеленые идеи* или *глокая куздра* семантически допустимыми.

Если обратиться к *рис. 1*, можно увидеть то место в образной составляющей уровня 3, где предметность отделяется от образа и становится факультативной характеристикой. С этого момента слово *стул* из предметного имени превращается в полноценное существительное, называющее не только предметы (конкретные стулья), но и объекты другой природы, например, рисунки стульев¹⁵.

По-видимому, типология усваиваемого языка не влияет на структуру концептуальных систем. Известны примеры «глухих взрослых, не знающих языка ни в одной форме — ни жестового, ни чтения по губам <...> Несмотря на их изоляцию от словесного мира, они демонстрировали множество форм абстрактного мышления: могли починить сломанный замок, знали, как обращаться с деньгами ...» [Пинкер 2004: 56]¹⁶.

Литература

- Апресян 2005 — Ю. Д. Апресян. О Московской семантической школе // *Вопр. языкознания*. 2005. № 1. С. 3–30.
- Баранов, Добровольский 1997 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Постулаты когнитивной семантики // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 1997. Т. 56. № 1. С. 11–21.
- Баттерворт, Харрис 2000 — Дж. Баттерворт, М. Харрис. Принципы психологии развития. М., 2000.
- Бейтс 1984 — Эл. Бейтс. Интенции, конвенции и символы // *Психоллингвистика*. М., 1984.
- Бенвенист 1974 — Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Берк 2006 — Л. Е. Берк. Развитие ребенка. СПб., 2006.
- Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе языковой семантики: На материале русского языка. М., 2002.
- Бурлак, Фридман — С. А. Бурлак, В. С. Фридман. «Говорящие» обезьяны и не только // *Вопр. языкознания*. 2008. № 3. С. 97–106.
- Вежбицкая 1985 — А. Вежбицкая. Дело о поверхностном падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. М., 1985. С. 303–341.
- Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык. Культура. Знание. М., 1996.

¹⁵ Известный американский нейробиолог Д. Примак отмечал, что действия Канзи и девочки Али, выполнявших инструкции речевых тестов (см. раздел 6.2), выявляют «только примитивный уровень владения языком», который «базируется на перцептивных категориях типа „действие — предмет“, а не на грамматических „глагол — существительное“. <...> Бесспорно, что в положенное время ребенок ... перейдет к правилам, основанным на грамматических категориях „глагол — существительное“» [Зорина, Смирнова 2006: 240]. На *рис. 1* зафиксирован один из возможных вариантов перехода от «предмета» к «существительному».

¹⁶ Выражаю глубокую благодарность М. Н. Григорян и Т. В. Самариной за ценные советы.

- Вежбицкая 1999 — *А. Вежбицкая*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежбицкая 2005 — *А. Вежбицкая*. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Анна А. Зализняк* и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 467–499, см. также: Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.
- Выготский 2005 — *Л. С. Выготский*. Психология развития ребенка. М., 2005.
- Выготский 1996 — *Л. С. Выготский*. Мышление и речь. М., 1996.
- Гак 1998 — *В. Г. Гак*. Языковые преобразования. М., 1998.
- Гудолл 1992 — *Дж. Гудолл*. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992.
- Демьянков 1994 — *В. З. Демьянков*. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 17–33.
- Демьянков 2007 — *В. З. Демьянков*. «Концепт» в философии языка и когнитивной лингвистике // *Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: Сб. науч. тр.* М., 2007. С. 26–33.
- Зорина, Полетаева 2002 — *З. А. Зорина, И. И. Полетаева*. Зоопсихология: Элементарное мышление животных: Учеб. пособ. М., 2002.
- Зорина, Смирнова 2006 — *З. А. Зорина, А. А. Смирнова*. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 367–423.
- Иванов 2004 — *Вяч. Вс. Иванов*. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
- Иорданская, Мельчук 2007 — *Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук*. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Кант 1964 — *И. Кант*. Критика чистого разума. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М., 1964.
- Касевич 1989 — *В. Б. Касевич*. Языковые структуры и когнитивная деятельность // *Язык и когнитивная деятельность*. М., 1989. С. 8–18.
- Касевич 1998 — *В. Б. Касевич*. О когнитивной лингвистике // *Общее языкознание и теория грамматики*. СПб., 1998. С. 14–21.
- Кацнельсон 2001 — *С. Д. Кацнельсон*. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М., 2001.
- Кибрик 2003 — *А. Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Коффка 1934 — *Ф. Коффка*. Основы психического развития. М.; Л., 1934.
- Кошелев 2008а — *Кошелев А. Д.* К описанию универсального концепта 'ОБМАН–ОБМАНУТЬ' // *Между ложью и фантазией. Сб. Логический анализ языка*. М.: Индрик. 2008. С. 117–132.
- Кошелев 2008б, в печати — *Кошелев А. Д.* Языковой «взрыв» — продукт развития системы базовых концептов ребенка // *Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка, в печати*.
- Кошелев 2006 — *Кошелев А. Д.* О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации // *Вереница литер: Сб. ст. к 60-летию В. М. Живова*. М., 2006 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев — Мельчук 1996 — Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука // *Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах*. Вып. 1. М., 1996. С. 196–197 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Крайг, Бокум 2007 — *Грэйс Крайг, Дон Бокум*. Психология развития. СПб., 2007.
- Крэйн 2007 — *Уллес Крэйн*. Психология развития человека: 25 главных теорий. СПб., 2007.
- Кубрякова 2007 — *Е. С. Кубрякова*. Предисловие // *Концептуальный анализ языка: Современные направления исследований*. М., 2007. С. 7–18.
- Кубрякова 2004 — *Е. С. Кубрякова*. Язык и знание. М., 2004.
- Левин 2001 — *К. Левин*. Регрессия, ретрогрессия и развитие // *К. Левин*. Динамическая психология. М., 2001.
- Мельчук 1997 — *И. А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. 1. М., 1997.
- Мельчук 1999 — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». 2-е изд.: М., 1999.
- Мельчук 2001 — *И. А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. IV. М., 2001.
- Мельчук 2005 — Интервью, данное И. А. Мельчуком изд-ву «Языки славянской культуры» 27 июня 2005 г. (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Ньюкомб 2003 — *Н. Ньюкомб*. Развитие личности ребенка. СПб., 2003.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пинкер 2004 — *С. Пинкер*. Язык как инстинкт. М., 2004.

- Потебня 1956 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Рахилина 1998 — *Е. В. Рахилина*. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274–323.
- Реформатский 1968 — *А. А. Реформатский*. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С. 103–125.
- Сепир 1993 — *Э. Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сергиенко 2006 — *Е. А. Сергиенко*. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2009.
- Серебрянников 1988 — *Б. А. Серебрянников*. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Слюсарева 2004 — *Н. А. Слюсарева*. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 2004.
- Соссюр 1977 — *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 1998 — *Ю. С. Степанов*. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998.
- Уорф 1999 — *Б. Уорф*. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. Т. 1. Новое в лингвистике: Избранное. М., 1999. С. 92–106.
- Успенский 1996 — *Б. А. Успенский*. Избранные труды. 2-е изд. Т. 1. М., 1996.
- Успенский 2007 — *Б. А. Успенский*. Fgo Loquens: Язык и коммуникативное пространство. М., 2007.
- Хомский 1972 — *Н. Хомский*. Язык и мышление. М., 1972.
- Цейтлин 2000 — *С. И. Цейтлин*. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Шеффер 2003 — *Д. Шеффер*. Дети и подростки: Психология развития. СПб., 2003.
- Шмелев 1977 — *Д. Н. Шмелев*. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
- Шмелев 2006 — *Д. Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2006.
- Якобсон 1985 — *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1975 — *Р. Якобсон*. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
- Якобсон, в печати — *Р. Якобсон*. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц. М., в печати.
- Chomsky 1980 — *N. Chomsky*. Rules and representations. N. Y., 1980.
- Gelman 1998 — *S. A. Gelman*. Categories in children's thinking // *Young Children*, 202 (4), 1998.
- Needman, Bailargeon 1993 — *A. Needman, R. Bailargeon*. Intuitions about support in 4,5-month-old infants // *Cognition*. 1993. V. 47. P. 121–148.